

Чжэн Шаньцы не знал, что ответить. В глубине его потемневших глаз закипали неведомые прежде чувства; на мгновение зажмурившись, он едва слышно произнёс:

— Пахнет...

Этот аромат окончательно сбил его с толку. Глядя на руку Юй Ланьи, Шаньцы внезапно почувствовал непреодолимое желание коснуться её губами. Напуганный собственной дерзостью, он поспешно выпустил белоснежное запястье супруга, которое до сих пор сжимал в ладони.

На нежной, светлой коже остался едва заметный розоватый след — кожа Ланьи была настолько чувствительной, что даже лёгкое нажатие оставляло на ней метки. Сам юноша, впрочем, боли не почувствовал. Обувшись, он бережно поставил подаренную коробочку с жемчужной пудрой на туалетный столик.

Это был первый раз, когда мужчина дарил ему косметику, да ещё и так внимательно подметил, чем именно он пользуется. Ланьи самодовольно рассудил, что раз уж он так хорош собой и знатен, то повышенное внимание со стороны Чжэн Шаньцы — вещь вполне естественная и даже обязательная.

От этой мысли настроение его мгновенно улучшилось.

Радость Юй Ланьи всегда была написана у него на лице, и Чжэн Шаньцы, заметив эту перемену, облегчённо выдохнул и улыбнулся:

— Путь предстоит неблизкий, так что я велел кухне собрать побольше провизии. Ты ведь любишь мясо? Пусть насушат побольше вяленого.

— И ещё я забираю с собой повара, — безапелляционно заявил Ланьи.

Шаньцы не стал спорить:

— Хорошо.

Раз уж Юй Ланьи решил больше не нежиться в постели, он вознамерился отправиться в город и закупить в дорогу столичных сладостей. Сидеть в повозке без возможности чем-нибудь перекусить казалось ему невыносимой скукой.

— Я ухожу! — бросил он на ходу.

Шаньцы кивнул и, решив не мешать супругу, отправился в кабинет. Он вновь открыл «Законы Великой Янь», но уже через четверть часа поймал себя на том, что мысли его витают далеко от сухих строк.

«Пахнет ли сладко?» — этот образ Ланьи, заглядывающего ему в глаза, то и дело всплывал в сознании.

Когда Ланьи не сердился, его глаза сияли, как у настоящего баловня судьбы.

«В уезде Синьфэн ему и впрямь придётся несладко», — с лёгкой грустью подумал чиновник.

Характер Юй Ланьи был подобен весенней погоде: то солнце, то гроза. Захватив с собой Цзинь Юня, он вихрем ворвался в самую известную кондитерскую столицы.

Лавочник, завидев дорогого гостя, который не появлялся несколько дней, расплылся в подобострастной улыбке:

— Молодой господин Юй! Что прикажете подать сегодня?

— Послезавтра мне понадобятся свежие сладости. Приготовь про запас, порций на пять. Утром мои люди заберут заказ.

— Какие именно пожелаете?

— Те, что я обычно беру. Ты ведь помнишь мои любимые сорта? Их там около дюжины.

Столичные кондитерские славились своим подходом: во-первых, здесь всегда можно было сделать предзаказ, а во-вторых, лавочники наизусть знали предпочтения постоянных клиентов. Если в продаже появлялось что-то новенькое, почтенным гостям всегда давали попробовать кусочек-другой. Именно благодаря такой предупредительности заведение крепко стояло на ногах.

— Будет исполнено, господин Юй. Не извольте беспокоиться: как только ваш слуга явится утром, всё будет упаковано и готово.

Ланьи удовлетворённо кивнул. Выйдя из лавки, он вспомнил об утке с острым соусом из соседнего ресторана.

— Цзинь Юнь, сходи купи утку. Возьмём с собой.

Слуга послушно кивнул и убежал.

Близилась сумерки. На улицах уже начали расставлять свои лотки торговцы закусками. В одной из лавочек готовили лучшие в округе мясные шашлычки. Денег от свадебных подарков и приданого у Ланьи теперь было в избытке. Впрочем, за его тратами всё равно приглядывал домашний счетовод — Фулан Юй слишком хорошо знал нрав своего сына: дай ему волю, и он спустит всё состояние за один день.

Когда Цзинь Юнь вернулся с уткой, Ланьи уже всю уплетал мясо на шпажках. Он протянул пару штук слуге:

— Ешь на ходу.

Юноша довольно прищурился, держа в руках целую охапку ароматного угощения.

— Молодой господин, не многовато ли вы купили? — робко спросил Цзинь Юнь. — Нам столько не съесть.

Над улицей разносились звонкие выкрики торговцев, над лотками с лапшой поднимался густой пар. Ароматы жареных каштанов и рисовых клёцек смешивались в воздухе, создавая неповторимый уют вечерней столицы.

— Всего не много, — отозвался Ланьи с улыбкой в голосе. — Оставшееся отнесу Чжэн Шаньцы, пусть попробует.

Цзинь Юнь невольно вскинул брови от удивления. Чтобы его молодой господин решил принести мужу еду с улицы? Раньше такое и представить было невозможно. Слуга видел, как сильно юноша противился этому браку, но, к счастью, Чжэн Шаньцы оказался человеком достойным: он не притеснял супруга и проявлял к нему удивительное терпение.

Как личный слуга, Цзинь Юнь должен был следовать за Ланьи и после свадьбы. Раньше он часто гадал, какова будет жизнь в чужой семье, но реальность в доме Чжэн оказалась куда приятнее, чем в любом знатном поместье. Здесь не было удушающего этикета, а господин Чжэн относился к прислуге мягко, никогда не повышая голоса.

Пока Ланьи пребывал в благодушном настроении, взгляд его случайно упал на Юй Шияня и Е Юньчу. Шиянь, стараясь скрыть лицо, о чём-то негромко говорил наследнику Е, и тот выглядел непривычно подавленным. Не став задерживаться, Юй Шиянь сел в повозку и укатил в сторону поместья маркиза. Е Юньчу же ещё долго стоял в тени с горьким выражением на лице, прежде чем молча уйти.

— И долго эти двое будут изводить друг друга? — Ланьи невольно усмехнулся, глядя на эту сцену.

— Вы разве не слышали, молодой господин? Принцесса-консорт Чжэньнань уже всюю подыскивает наследнику Е супруга-шаоцзюня. Она пригласила многих знатных особ, но Е Юньчу всё бракует — говорит, что сам решит, на ком жениться. Из-за этого он уже успел обидеть половину столичных невест и гэ'эр.

— Так они ещё не договорились? — протянул Ланьи.

В резиденции князя Чжэньнань, конечно, никогда бы не одобрили кандидатуру Юй Шияня. В лучшем случае ему бы предложили место наложника, и то посчитали бы это великим одолжением. Шиянь же, хоть и был рождён от наложницы, обладал непомерной гордостью и вряд ли согласился бы на роль «младшего мужа».

Вскоре они добрались до дома, и увиденное ничуть не испортило Ланьи настроения. Узнав у слуг, что Чжэн Шаньцы всё ещё в кабинете, он направился напрямик туда, сжимая в руках ароматное лакомство. У дверей дежурил Ван Фу, который вежливо поприветствовал молодого господина.

— Я зайду к нему.

Ван Фу, выросший в семье Юй и обученный Фуланом Юем, знал, что кабинет — место важное, и Ланьи следовало бы сначала спросить разрешения. Но не успел слуга открыть рот, как из-за двери донёсся голос чиновника:

— Входи.

Ланьи, не привыкший к церемониям, просто толкнул дверь. Шаньцы отложил книгу и налил супругу чашку свежего чая.

— Я ходил заказывать сладости и случайно наткнулся на жареное мясо. Взял слишком много, так что доедай.

Юноша залпом осушил чашку. Это был не привычный ему сладкий фруктовый настой, а терпкий зелёный чай с горчинкой. Он едва сдержался, чтобы не поморщиться, но напиток отлично перебил вкус специй во рту.

Чжэн Шаньцы, который после своего прибытия в этот мир ещё не пробовал уличной еды, взял шпажку и откусил кусочек.

— Ну как? Вкусно? — Ланьи во все глаза следил за его реакцией. Это было его любимое угощение, и ему очень хотелось, чтобы муж разделил его восторг.

Шаньцы улыбнулся:

— Очень вкусно.

Ланьи заметно расслабился. Услышав похвалу своему выбору, он довольно прищурился:

— То-то же!

Когда твои вкусы одобряют, это не просто приятно — это по-настоящему согревает сердце.

«Всё-таки у него есть вкус», — заключил про себя юноша.

Пока Шаньцы доедал, он поднял голову и наткнулся на сияющий взгляд супруга. Тот, подперев лицо руками, с нескрываемым удовольствием наблюдал за ним. На мгновение их взгляды встретились, и Ланьи даже не подумал отвернуться. Он заворожённо рассматривал правильные, благородные черты лица Шаньцы. Юный господин всегда был падок на красоту; если бы супруг оказался уродом, он бы, верно, сбежал в храм и провёл остаток дней за молитвами. Быть монахом — сомнительное удовольствие, ведь там нельзя есть мясо, но это всё равно лучше, чем всю жизнь смотреть на чью-то неприглядную физиономию.

Шаньцы первым отвёл глаза, и тогда Ланьи вдруг спросил:

— Скажи, до нашей свадьбы... была ли у тебя на примете какая-нибудь девушка или гэ'эр?

Этот вопрос давно не давал ему покоя, и сейчас он решил прояснить всё раз и навсегда.

— Нет, — коротко ответил муж.

Морщинка между бровей Ланьи разгладилась.

— Пора ужинать, пойдём.

Шаньцы и не заметил, как пролетело время. После плотного перекуса за ужином он ограничился лишь миской каши и чашкой супа.

Ночью, когда они улеглись, Чжэн Шаньцы привычно вытянулся на спине, а Ланьи устроился на боку, готовый к долгой беседе.

— Шаньцы, ты когда-нибудь гулял по улице Каншань? Там такая красота!

— Нет.

— А когда ты учился, кто-нибудь хотел стать твоим супругом?

Шаньцы задумался. Когда прежний владелец этого тела сдал экзамены на сюэя и цзюйжэня, многие богатые купцы и землевладельцы предлагали ему своих детей в жёны, но тот всегда отказывал, ссылаясь на занятость учёбой. В своей же «прошлой жизни» он получал любовные письма, но никогда не отвечал на них взаимностью.

— Были такие.

Ланьи резко перевернулся на спину и вперил в него пыливый взгляд:

— И кто же? Почему ты не согласился?

— Уже и не помню, — честно признался Шаньцы.

Ланьи подумал о том, что с самого детства никто не признавался ему в любви вот так — искренне. Он был красив, богат, но первым подарком, который он получил не ради выгоды или этикета, была эта коробочка пудры. Он и не догадывался, что всех подозрительных ухажёров давно отвадили от ворот его папа и старший брат, а те, чей статус был ниже, чем у маркиза Чаняна, просто не смели приближаться к нему.

Они лежали под одним одеялом, и юноша невольно придвинулся чуть ближе, ощущая исходящее от мужа тепло. Он знал, что после свадьбы мужа должны «есть губы» — так было нарисовано в тех книжках, что дала ему сваха, но до конца он этого не понимал.

В слабом лунном свете Ланьи разглядывал губы Шаньцы. Они казались тонкими и чётко очерченными.

«Интересно, каков их вкус? Будет ли это сладко?» — гадал он.

Ланьи очень любил сладкое.

Шаньцы почувствовал на себе этот пристальный взгляд и невольно задался вопросом: не обидел ли он супруга чем-то ещё сегодня? Вроде бы и пудру купил, и во всём потакал...

— Спи уже. Завтра нам идти в поместье Люй на день рождения Люй Цзиня.

Ланьи уже давно приготовил подарок для друга. Он тихо отозвался, но перекачываться на свой край не стал, оставшись лежать плечом к плечу с мужем. Кровать была не слишком широкой, и

Шаньцы замер, стараясь дышать ровно. Вскоре он почувствовал, что супруг успокоился, и сам погрузился в сон. Посреди ночи он, не просыпаясь, заботливо подоткнул одеяло со стороны Ланьи.

На следующий день они отправились в поместье советника Люя. Шаньцы надел элегантное синее одеяние — то самое, что купил ему Ланьи. Сам же юноша облачился в ярко-голубые одежды, перехватил волосы нефритовым венцом, а на поясе его мелодично позвякивали украшения.

— Шаньцы, давай быстрее! Что ты копаешься? — Ланьи не терпелось увидеть друга.

Муж ускорил шаг. Поднявшись в повозку первым, он протянул руку супругу. С такой поддержкой Ланьи не нужно было ждать, пока подставят скамеечку — он легко оперся на крепкую ладонь и запрыгнул внутрь.

Руки Чжэн Шаньцы были на удивление сильными.

Когда они прибыли к воротам поместья Люй, Шаньцы помог супругу спуститься. Гости прибывали один за другим — в основном чиновники со своими семьями. В мире политики такие приёмы были делом обязательным, а дружба между детьми часто служила продолжением союзов их отцов.

Внутри поместье поражало воображение: изумрудная зелень садов, петляющие тропинки и величественные павильоны. Люй Цзинь, встречавший гостей, при виде Ланьи весь просиял. Бросив пару слов собеседникам, он поспешил навстречу другу.

— Ланьи, ты пришёл! — Цзинь схватил его за руки, не скрывая искренней радости.

— Сяо Цзинь! Тут столько народу, чудо, что ты меня сразу заметил. С днём рождения! — Ланьи тоже не скрывал улыбки; они выросли вместе, и мало кто мог сравниться с ними в преданности друг другу.

— Господин Чжэн, моё почтение, — не забыл о вежливости Люй Цзинь.

— Поздравляю с днём рождения, молодой господин Люй. Долгих вам лет имира и радости.

— Благодарю за добрые слова. Господин Чжэн, позволите ли вы мне украсть вашего супруга на некоторое время? — с улыбкой спросил Цзинь.

Шаньцы, видя их радость, лишь кивнул:

— Разумеется.

Ланьи, подобно яркой бабочке, упорхнул вслед за другом.

— Брат Чжэн, — к Шаньцы подошёл улыбающийся Цуй Цзыци. — Твой супруг и молодой господин Люй с детства не разлей вода. Удивительно, как эти двое ладят.

Один — своенравный и капризный, другой — сдержанный и чинный. Два столь разных характера нашли друг в друге опору.

— Брат Чжэн! — окликнул его Ду Нин. Он был явно удивлён. — О, и брат Цуй здесь.

— А как же иначе? — хмыкнул Цзыци, скрестив руки на груди.

Ду Нин, обычно тихий и оживлявшийся лишь при разговорах о литературе, пришёл сюда с отцом. Цзыци тоже притащил его старик.

Пиршество было в самом разгаре, вино лилось рекой. Советник Люй в праздничном облачении поднял кубок:

— Благодарю всех, кто пришёл поздравить моего сына. Этот кубок — за вас!

Гости пригубили вино. Обстановка не располагала к излишествам, и лишь Цуй Цзыци, уверенный в своей стойкости, осушил кубок до дна.

Среди гостей не было самого министра чинов, но присутствовала его супруга, госпожа Ли, которая увлечённо беседовала с госпожой Люй. Люй Цзиня позвали к ним — матери любили присмотреться к молодым людям, ведь Цзиню уже пора было подыскивать партию.

Ланьи подумал о том, что советник Люй наверняка души не чаёт в сыне и выберет ему лучшего мужа — не только знатного, но и достойного. Посмотрев на Чжэн Шаньцы, он увидел, что тот спокойно ест, почти не обращая внимания на окружающую суету. Лишь изредка он отвлекался, чтобы вежливо ответить на приветствия.

«Этот человек...»

Шаньцы не знал, что Ланьи наблюдает за ним. В толпе он внезапно заметил знакомую фигуру — это был Чэнь У. Похоже, он снова потратился, чтобы раздобыть приглашение. Вспомнив его прежние речи, чиновник помрачнел. Он не знал Гэ'эр Аня из поместья хоу Аньсиня в лицо, но опасался, что тот может быть здесь.

Когда к нему снова подошли с предложением выпить, Шаньцы вежливо отказался и направился к супругу. Ланьи сидел в окружении неженатых гэ'эр и барышень.

Муж наклонился к его уху и прошептал:

— Ты видишь здесь Гэ'эр Аня?

Ланьи огляделся:

— Нет, здесь его нет.

— Мне кажется, я видел Чэнь У. Боюсь, он задумал недоброе против него.

Чэнь У и впрямь пробрался в поместье Люй не ради связей. Он искал кратчайший путь к успеху: опорочить Гэ'эр Аня и через этот «союз» заручиться поддержкой знатного дома.

Сам Гэ'эр Ань, устав от шума и притворных улыбок, решил выйти в сад проветриться, прихватив с собой лишь слугу. Вид цветущих клумб и тишина беседки немного успокоили его.

Чэнь У, чей взгляд весь вечер был прикован к юноше, незаметно последовал за ними.

— Молодой господин, может, вернёмся? — робко предложил слуга.

— Скука смертная, — отрезал Ань. — Я пришёл сюда только ради брата, пусть он и отдувается за всех. А я имею право немного отдохнуть.

Слуга замолчал. Когда Гэ'эр Ань был не в духе, спорить с ним было бесполезно.

Чэнь У, наблюдавший из тени, прикинул шансы: в саду только двое хрупких гэ'эр, а он — взрослый мужчина. Сила придала ему уверенности.

Ланьи понимал, какой позор может обрушиться на голову гэ'эр, если Чэнь У добьётся своего. Он тут же нашёл Люй Цзиня и всё ему рассказал.

— Мне нужен повод, чтобы отправить людей в сад, не привлекая лишнего внимания, — быстро сориентировался Цзинь.

— Скажи, что пропала нефритовая подвеска — подарок моей бабушки, и я вне себя от горя!

С этими словами юноша сорвал с пояса украшение и отдал его Шаньцы, который тут же спрятал его за пазуху.

Люй Цзинь немедленно распорядился начать поиски.

— Какая неосторожность, — зашептались в толпе. — В такой день — и искать побрякушку.

— Ну, если это подарок супруги гуна, то чувства Ланьи можно понять. Но всё же, мог бы и повнимательнее быть.

Через некоторое время слуга что-то прошептал на ухо Люй Цзиню, и тот кивнул. Повернувшись к Шаньцы и Ланьи, он громко произнёс:

— Подвеска нашлась! Пойдёмте, я провожу вас.

Едва они скрылись с глаз гостей, Ланьи не выдержал:

— С Гэ'эр Анем всё в порядке?

— Обошлось. Тот негодяй уже приготовился напасть, но юноша успел отбиться и убежать. К счастью, он наткнулся на вашего старшего брата.

— Ну и слава богу, — выдохнул Ланьи.

Встреча с командиром императорской гвардии явно не сулила Чэнь У ничего хорошего.

Люй Цзинь привёл их к отдалённому флигелю. У дверей стояли верные слуги, которые пропустили их внутрь.

В комнате они увидели Чэнь У, накрепко привязанного к стулу с кляпом во рту. Гэ'эр Ань, всё ещё бледный от пережитого страха, сидел напротив; слуга дрожащими руками пытался напоить его чаем.

— Прошу вас, господин, выпейте немного.

— Не могу, в горло не лезет, — прошептал Ань. Он получил предупреждение от Ланьи и был настороже, но всё же не ожидал такой наглости. Если бы не верный слуга и не случайная встреча с Юй Чансином, его жизнь была бы разрушена. Мысль о потере чести была для него страшнее смерти.

— Позовите лекаря, пусть осмотрит молодого господина Аня.

— Не нужно, — прервал тот, стараясь говорить твёрдо. — Сначала разберитесь с этим отребьем. И прошу вас — пусть об этом узнает как можно меньше людей.

Люй Цзинь кивнул.

Чэнь У, чей лоб был покрыт холодным потом, а спина взмокла от ужаса, с ненавистью смотрел на присутствующих. Он не знал Юй Чансина, но удары того были мучительны. План провалился, и теперь его ждала суровая расплата. В глубине души он злился на слугу Аня, который помешал ему — иначе он бы уже праздновал успех.

Когда вошли Люй Цзинь, Ланьи и Шаньцы, Чэнь У впился яростным взглядом в Чжэн Шаньцы.

«Это он! Он донёс! Чжэн Шаньцы погубил меня и теперь пришёл поглумиться! Ничтожество, сам выбился в люди и другим не даёт!» — Чэнь У забился в путах, отчего стул жалобно заскрипел.

Шаньцы лишь мельком взглянул на него и отвернулся. Зло всегда возвращается к тому, кто его породил.

— Раз это случилось в нашем доме, мы несём за это ответственность, — произнёс Люй Цзинь, обращаясь к Аню. — Прошу простить нас.

— От таких людей трудно уберечься. Ланьи предупреждал меня, это я был слишком беспечен.

Гэ'эр Ань послал слугу за своим старшим братом. Он поднялся и низко поклонился Юй Чансину и Ланьи:

— Благодарю вас за спасение. И умоляю — пусть это останется нашей тайной.

Все присутствующие согласно кивнули.

— Не благодари меня, — ответил Ланьи. — Это Чжэн Шаньцы узнал о его замысле и велел мне написать тебе.

Взгляд Гэ'эр Аня переместился на Шаньцы:

— Благодарю вас, господин Чжэн. И тебя, Ланьи.

Ланьи лишь отмахнулся, чувствуя непривычное смущение, но глаза его сияли гордостью.

Вскоре в комнату ворвался наследник хоу Аньсиня. Увидев сестру и связанного человека, он

замер в недоумении.

— Брат, ты должен наказать его! — воскликнул Ань, не сдерживая слёз.

Выслушав рассказ, наследник посмотрел на Чэнь У взглядом, в котором читался смертный приговор.

— Возвращайся домой, — приказал он брату. — А с этим я разберусь сам.

Ань кивнул и вышел. Наследник хоу ещё раз поблагодарил всех присутствующих:

— Дело это постыдное, поэтому прошу вас — ни слова никому. Я этого не забуду.

Поняв, что попадает в руки к наследнику, Чэнь У в отчаянии забился в конвульсиях. Наследник хоу с холодным бешенством ударил его по лицу и остановился лишь тогда, когда слуга подал ему чистый платок.

— Ничтожество... Решил посягнуть на моего брата? Знай своё место, грязь.

Вид окровавленного лица Чэнь У вызвал у Аня тошноту, и он поспешил выйти.

Люй Цзинь тоже выглядел неважно. Когда наследник начал избивать преступника, Шаньцы быстро шагнул к Ланьи, заслоняя его собой. Тот вовсе не испугался, но жест мужа оценил.

Юй Чансин произнёс:

— Раз вы уже преподали ему урок, мы пойдём. Нам здесь делать нечего. Сяо Цзинь — сегодняшний именинник, а ваши методы, наследник, слишком уж суровы.

Тот склонил голову:

— Прошу простить мою несдержанность.

— Ланьи, наследник хоу Аньсиня просто зверь, — прошептал Люй Цзинь, когда они вышли.

Для Цзиня этот день тоже стал испытанием: вместо праздника — такая грязь.

— В руках такого человека ему не позавидуешь. Впрочем, он сам виноват, — отрезал Лань.

Когда они остались наедине с Чансином, тот спросил Шаньцы:

— Ты знал этого человека? Он не сводил с тебя глаз и чуть не выпрыгнул из шкуры, когда ты вошёл.

— Мы оба сдали экзамены в один год. До того как получить назначения, перекинулись парой слов. Но позже я понял, что он человек гнилой, и прекратил всякое общение.

Командир Юй кивнул:

— Правильно сделал. С такими людьми нужно рвать сразу. Я понимаю гнев наследника хоу — будь я на его месте в тот день в поместье Пэй, я бы тоже вряд ли сдержался.

Шаньцы почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Когда пир подошёл к концу, Лань попрощался с другом и сел в повозку.

— Какая наглость! Хорошо, что с Анем всё обошлось, — тихо проговорил он.

— Его жизнь теперь превратится в ад, — отозвался Шаньцы, глядя в окно на ночной город.

Знатные семьи не стали бы марать руки убийством — они бы уничтожили его медленно. Чэнь У поставил на кон всё и проиграл.

Дома муж первым делом отправился смыть с себя запах вина.

— Шаньцы, иди сюда скорее! — позвал его Лань. Он уже лежал в постели и весело болтал ногами.

Чиновник подошёл и присел на край. Лань открыл свою шкатулку.

— Это что?

— В уезде Синьфэн часто бывают пыльные бури. Вот, возьми — это защитный бальзам для рук.

Он вложил в ладонь Шаньцы розовую баночку. Почувствовав мозоли на его коже, юноша добавил:

— И пользуйся им чаще, а то руки совсем загрибели.

— Спасибо.

Шаньцы задул свечу. Ланьи в темноте осторожно коснулся его плеча:

— Скажи... в дороге мы будем спать прямо в повозке?

— Если будут почтовые станции — остановимся там. Но иногда придётся ночевать и в пути.

— Ясно, — уныло отозвался Ланьи.

Муж повернулся к нему и мягко произнёс:

— Прости, что тебе приходится это терпеть.

Юноше стало чуть легче на душе.

— Главное, что ты это понимаешь, — кокетливо ответил он.

Шаньцы невольно усмехнулся: этот юноша никогда не упускал возможности показать характер.

— Если бы на твоём месте оказался кто-то вроде Чэнь У, я бы точно ушёл в монастырь, — пробормотал Ланьи.

Шаньцы невольно коснулся своего лица. Ему и раньше говорили, что он красив, но он никогда не придавал этому значения. Однако сейчас, слыша это от супруга, он почувствовал странный трепет.

— Моя внешность вовсе не так выдающаяся, — притворно скромно заметил он.

— В этом я никогда не лгу, — отрезал Ланьи. — И руки у тебя... очень сильные.

Услышав похвалу своей силе, Шаньцы почувствовал, как по телу пробежали «мурашки». Он не знал, по каким критериям гэ'эр оценивают мужчин, но сила явно была в почёте. Особенно когда тебя могут подхватить на руки и прижать к себе...

На следующее утро в доме закипела работа. Собирали вещи, давали последние наставления слугам. В путь отправлялись Цзинь Юнь, Ван Фу, счетовод, повар... Всего семь человек в двух повозках. Поскольку им предстояло ночевать под открытым небом, пришлось распределить места.

Помимо повозок с вещами, была ещё одна — для самих хозяев. Всего в обозе было пять экипажей. Шаньцы, увидев две повозки Ланьи, на мгновение лишился дара речи.

Он разрешил взять только две, но не оговорил их размер! Эти махины были в два человеческих роста — Ланьи ограничил длину и ширину, но про высоту не было сказано ни слова.

Муж горько пожалел о своей непредусмотрительности. Кто же знал, что при обсуждении вещей нужно учитывать и высоту!

Ланьи вышел из дома в роскошном дорожном платье. В любой ситуации он выглядел безупречно.

— Шаньцы, пора в путь! — Глаза его сияли предвкушением. Он никогда ещё не покидал столицу и жаждал увидеть мир своими глазами.

Маркиз Чанян нанимал учителей для всех своих детей. Старший брат, Чансин, был слишком занят службой, а Ланьи и Шиянь жили вольнее. Ланьи обожал читать дорожные заметки и втайне всегда мечтал о приключениях.

Увидев его сияющую улыбку, Шаньцы замер на миг.

— Иду.

Он протянул руку и помог супругу подняться.

Над Шэнцзином ещё стлался утренний туман. Колёса застучали по мостовой, оставляя глубокие следы. Ланьи с грустью смотрел на проплывающие мимо улицы.

У городских ворот их ждал Юй Чансин на коне. По знаку офицера стража пропустила обоз, и командир подъехал ближе.

— Брат! — Ланьи почувствовал, как защипало в носу.

Чансин спешился, и юноша бросился к нему в объятия.

— Ты пришёл проводить меня?

— Конечно. Ты никогда не уезжал из дома, как я мог тебя не проводить? — Чансин похлопал брата по спине. — Пиши мне обо всём. И смотри, не давай себя в обиду.

— Никто не посмеет меня обидеть, — улыбнулся Ланьи сквозь слёзы.

— В Синьфэне полно местных богатеев. Твоему мужу придётся иметь дело с чиновниками, а тебе — с их семьями. Будь терпелив, ты со всем справишься.

— Я понял, брат.

— Позволь мне сказать пару слов твоему супругу.

Ланьи залез в повозку и из окна наблюдал за двумя мужчинами.

— Я уже говорил это на вашей свадьбе, но повторю: доверяю Ланьи тебе.

Шаньцы ответил со всей серьёзностью:

— Будьте спокойны, брат. Если грозит опасность, я заслоню его собой. Сколько бы раз ни летела кровь, я всегда буду впереди.

Чансин, тронутый этими словами, протянул Шаньцы прощальный кубок вина. Выпив, муж вернулся в повозку, а всадник вскоре скрылся в туманной дымке. Стражники на воротах с завистью смотрели вслед Юй Чансину — знатный воин, он всегда будет баловнем судьбы.

Повозка выкатилась за ворота, и вскоре очертания Шэнцзина исчезли вдаль. Ланьи впервые в жизни почувствовал горечь расставания с домом.

— Впереди небольшой городок, сегодня заночуем там, а утром двинемся дальше.

В отличие от супруга, Шаньцы выглядел воодушевленным. Оставив позади столичные интриги, он чувствовал лишь долгожданную свободу и азарт.

В полдень они остановились на привал. Повар умудрился даже в походных условиях приготовить отличный обед, но Ланьи, съев пару ложек, отложил палочки. Пейзаж за окном захватил всё его внимание: террасы полей, золотистые колосья пшеницы, зеркальная гладь воды... И стрекот цикад слышался здесь особенно ясно.

— Поешь винограда, — Шаньцы протянул ему тарелку с вымытыми ягодами.

Ланьи съел несколько штук.

— Шаньцы, а что это за трава?

— Это лисохвост, — пояснил тот.

Юноша кивнул и сорвал целый пучок.

— А вон то?

— Пшеничные колосья.

— А то дерево?

— Камфорное.

— А это?

— Трава-хвостик.

Ланьи указывал на всё подряд, а муж терпеливо отвечал. В какой-то момент Шаньцы почувствовал щекотку под подбородком — супруг игриво коснулся его стеблем лисохвоста.

Чиновник поймал его взгляд и негромко произнёс:

— Я...

Рука Ланьи дрогнула, словно от ожога. Он поспешно отпрянул и бросил траву на колени мужу:

— Скучно! Пойду в повозку посплю.

Слыша, как юноша завозился внутри, Шаньцы посмотрел на пучок лисохвоста и принялся ловко плести что-то из гибких стеблей.

Ланьи, которому сиденье показалось слишком жёстким, подстелил плащ Шаньцы и уютно устроился на нём. Лицо его всё ещё горело, а глаза блестели. Он развязал ленту в волосах и задумчиво вертел её в руках.

Вспомнился случай, когда он гулял с Люй Цзинем и случайно услышал за декоративной горкой чьи-то вздохи и плеск воды. Тогда Цзинь покраснел как маков цвет, а сам он из любопытства высунулся посмотреть, о чём потом долго жалел. Они оба тогда застыли как вкопанные и ждали, пока всё закончится, прежде чем сбежать.

Молодой человек закончил плести маленького зайчика и, заглянув в повозку, осторожно положил травяную игрушку рядом с крепко спящим Ланьи.

<http://bllate.org/book/15809/1428908>